

ДИАЛОГ СО ЗРИТЕЛЕМ

В театре цпо обсуждение генеральной репетиции спектакля «Эшелон». Приглашена вся труппа. Главный режиссер В. А. Короткевич просил высказываться откровенно, не взирая на лица и звания. Начал молодой актер. Говорил горячо, непримиримо: увиденным разочарован, что скажет спектакль сегодняшнему зрителю? Следом поднялся пожилой актер. Он не был столь категоричен. Вспоминал, и сопоставлял увиденное на сцене с тем, что было в жизни. Он хорошо помнит эшелоны военной поры, бомбежки. Молодые всего этого не изведали, но многое интуитивно угадывают, верно воссоздают на сцене. Вот только образы врагов в спектакле шаржированные, словно из зала кривых зеркал. С их появлением из спектакля уходит правда.

Показывать правду, ничего не упрощая, — об этом говорили все выступавшие. Главный режиссер не прерывал споров, молча слушал, что-то записывал в блокнот. Потом в заключение он скажет, что откровенное обсуждение генеральной репетиции — необходимый этап в создании нового спектакля. Но промолчит о главной цели этого необычно широкого художественного совета — «встряхнуть» людей, заставить критически взглянуть на себя и своих коллег. В. А. Короткевич, недавно возглавивший Гродненский областной драматический театр, добивался главного: играть так, чтобы каждый спектакль был диалогом со зрителем.

Загорелась, забурлила молодежь, решила показать на сцене новую повесть В. Тендрякова «Ночь после выпуска», поднимающую острые вопросы современности. Короткевич согласился. Но надо подождать, когда будет готова инсценировка, и предложил драму белорусского драматурга А. Петрашевича «Тревога». Прочитали пьесу, всех захватила ее злободневность, достоверность почти документальная. Да, вот зло, с которым надо бороться, — пьянство. Как разрушает оно души, излечит судьбы! Гневный пафос драматурга передался актерам.

Он скажется потом в спектакле, особенно в обрисовке отрицательных персонажей. Например, Закружного. В пьесе это лицо явно эпизодическое. А в исполнении заслуженного артиста БССР В. Смачнева — вырастает в мрачную, трагикомическую фигуру, человека неглупого, совестливого, но совершенно опустошенного алкоголем. Или Ольховик — председатель райпотребсоюза, по чьему негласному указанию «торговые точки» план выполняют в основном за счет спиртных напитков. Такого беспардонного демагога, каким играет Ольховика заслуженный артист БССР В. Гречинский, не часто увидишь на сцене. Вот

где выплеснулся гражданский темперамент актеров!

К сожалению, в образах положительных героев, тех, кто ведет расследование гибели пьяного тракториста, кто комментирует это событие, антерского темперамента явно не хватает. Но тут вина не столько исполнителей, сколько самого драматурга: не наделил он эти персонажи выразительными характеристиками.

И все-таки в спектакле «Тревога» звучит живой, обличающий голос. Звучит сильно. Он принадлежит простой крестьянке Ульяне Юрской, которую играет артистка Л. Ошуркова. Это великолепная актерская работа. Кажется, что Ульяна шагнула на сцену прямо из зрительного зала...

На одном из представлений «Тревоги» произошла удивительная история. Играли спектакль в небольшом колхозном клубе. Реагировал зал на события пьесы открыто, шумно. А когда кончился спектакль, поднялась в третьем ряду женщина, местная доярка, чем-то удивительно похожая на Ульяну Юрскую, взволнованно заговорила. И не к актерам она обращалась, а к односельчанам, тем, кто сидел в зале. Кого-то нашли ее глаза — и полились слова гневные, обличающие. И тот, к кому она обращалась всенародно, все ниже опускал голову. Казалось, спектакль все еще продолжается.

То был уже не диалог театра со зрителем, а полное и редкостное единение, о котором только мечтает истинный художник.

Это счастливое взаимопонимание хотелось продлить, закрепить. Стали искать пьесу, которая снова бы захватила всех актеров. Остановились на «Темпе-1929». Автор сценической композиции М. Захаров выбрал из ранних пьес Николая Погодина самые острые, конфликтные ситуации, самые яркие и значительные образы, сплавил их в единое действие. Если внимательно взглянуть в те события и лица 20-х годов, вслушаться в гул голосов, то можно услышать и нынешнее время. Тот же напряженный, тугий темп жизни, тот же энтузиазм создателей. И сегодня у нас столько грандиозных дел, что времени никак не хватает. И мы торопим его, требуем: «Время, вперед!» И молодежь все так же рвется туда, где труднее: на БАМ, за Полярный круг, в космос...

Романтическую окрыленность погодинской драматургии почувствовали актеры театра, загорелись ею. И получился спектакль молодой, задиристый, пульсирующий горячей кровью.

«Темпом-1929» театр открывал свои недавние гастроли в Минске. Спектакль начинается с грозного гула голосов. «Травят нас! Тифом заражают!» — вырывается чей-то истошный вопль, и взлетает над головой молодой медсестры железный лом. Но чья-то сильная рука перехватывает лом и громовой голос перекрывает рев толпы. Парень в непошке, носая

сажень в плечах, плоть от плоти этой горластой массы, высккивает вперед, заслоняет собой девушку, а через секунду пускается в бешеную пляску. А как поостынут немного люди, сдернет парень с головы кепку, вытрет мокрым лоб и почти небрежно бросит: «Я новый директор стройки. Григорий Гай». И мгновенная, отрезвляющая тишина омоет сцену. В эти короткие две-три минуты (на сцене они кажутся очень длинными) мы, зрители, успеем ощутить, осмыслить весь драматизм и высоту того «злого и прекрасного», по выражению самого драматурга, времени.

Театр рассказывает о нем с восхищением и азартом. Молодые актеры С. Клименко, А. Федотов, Н. Кофанова и другие (в этом спектакле занята в основном молодежь) отдадут сценическим героям весь жар своей души, свою веру и убеждения.

Правда, порой в этой толпе яростных и одержимых мелькают фигуры плоские, одномерные: «спецы», перерожденцы. В них скажется еще не преодоленная в театре тенденция играть прямолинейно.

Но главное в спектакле «Темп-1929» получилось — сама рабочая масса, строители, возводящие крупный завод во главе со своим признанным вожаком Григорием Гаем (С. Клименко). Они живут на сцене, бурля, негодуя, ликуя, строят новую жизнь и самих себя, вызывая живой отклик в зрительном зале.

Так удалась в театре и вторая попытка «прорваться» к сегодняшнему зрителю, завязать с ним заинтересованный разговор. Это воодушевило труппу. Дух исканий захватил не только молодежь. Заслуженный артист БССР В. Смачнев поделился давней мечтой — сыграть Карандышева в «Бесприданнице». Идея понравилась. Особенно ветеранам сцены. Решили готовить «Бесприданницу» вне плана, в свободное время.

Островский вывел в «Бесприданнице» все тот же мир купцов и разоряющихся дворян. Но что-то чеховское, щемяще-грустное есть в этой пьесе. С нежностью и печалью рисует драматург образ «бесприданницы» из дворян Ларисы Огудаловой, натуры утонченной, одаренной. И вместе с тем в пьесе появляется не только свойственная бытописателю Островскому жесткость письма, когда он изображает новых «хозяев жизни», покупающих у дворян не только вишневые сады, пароходы, но и их красивых дочерей.

Вот эта вторая тема громко зазвучала в спектакле, поставленном В. Короткевичем. В первой же сцене встречи Кнурова (А. Царев), Вожеватова (В. Смирнов), Паратова (В. Мышко) театр обнажает в них расчетливых, холодных дельцов. Паратов в спектакле гродненцев начисто лишен романтического ореола натуры незаурядной, широкой, лихо прожигающей жизнь. Тот, кого мы видим на сцене, если и прожигал жизнь, то когда-то давно, теперь — и зола остыла. Для него Лариса — добыча, кото-

рую не хочется упустить. А «охотятся» все трое — Паратов, Вожеватов, Кнуров. Когда же у них из-под носа «добычу» пытаются увести Карандышев, ничтожный, с их точки зрения, человек, эти хищники сбиваются в стаю — затравить чужана.

Такое социально-заостренное решение этих образов сегодня вполне правомерно. Но пьеса все-таки о любви. Живые человеческие страсти обуревают и людей «коммерции». А в спектакле они только расчетливы, бессердечны. Среди них Лариса Огудаловой, с ее пылким сердцем и независимым характером, делать просто нечего. Чтобы полюбить кого-то из них, ей надо стать слепой.

В спектакле Лариса в исполнении артистки Н. Короткевич очень хороша собой, чиста душой, благородна. Но холод, царящий в мире, в котором она живет, кажется, коснулся и ее души, притушив эмоцию, ослабив силу разыгравшейся драмы.

Другой персонаж спектакля выходит на первый план, вызывая сострадание зрителей. Это — Карандышев. Артист В. Смачнев проникся этим образом, выстрадал его. Он показал на сцене потрясающую драму маленького человека, униженного и оскорбленного.

Так снова столкнулись две сосуществующие в театре тенденции, два подхода к изображению жизни на сцене, его вчерашний и нынешний день.

То же самое сказалось еще в одном спектакле гродненцев — «Милый человек» по пьесе Кндрата Крапивы. Сам выбор этой комедии почти не имеющей сценической истории, свидетельствует о смелости театра, его стремлении идти непроторенной дорогой. И задуман был спектакль режиссером В. Короткевичем и художником Л. Трубецкой свежо, интересно. Он идет в необычных декорациях: вместо задника во всю высоту сцены — блокнот, а по бокам — вырванные из него странички с беглыми нарандашными записями и рисунками. Театр как бы сразу уславливается со зрителем: в этот вечер он покажет ему зарисовки с натуры, не отличающиеся в обобщенные образы законченной книги.

В этом ключе и играет заслуженный артист БССР Ю. Никитин начинающего драматурга, автора этих беглых зарисовок, Язвы. Он зорко наблюдает за происходящим, иронизирует, делится своими впечатлениями с публикой. Все это легко, органично.

Но то, что видит Язва, что пытается показать театр в сатирических красках, и живой натуре никакого отношения не имеет. Все напоминает плохую нарисованную на излманов и излманство, хотя в пьесе изображается совсем иная эпоха — годы Великой Отечественной войны, маленький тыловой город в центре России. Здесь развернул свои махинации проходимец и авантюрист Жлунта (В. Мищанчук), спекулируя дефицитными товарами. Написаны сцены, персонажи сочно, хлестко. Но театр, изображая их, перебрал краски, не выверил их временем и обстоятельством. Получилась картинка недостоверная, малохудожественная.

Да, день вчерашний и нынешний сосуществует пока в творчестве Гродненского драматического театра. Но новое явно отесняет старое. Этот процесс проходит активно, целенаправленно, с призывом в соучастники зрителей.

Д. МАНАЕВА.